

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩИХ МОТИВОВ ТЮРКСКОГО ЭПИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В «МАНАСЕ»

Адилъ Джамиль

УДК 82-13:82.091(=512.1)

В статье сделан анализ общих мотивов в тюркских дастанах, рассмотрены их генезис и типология, которые берут начало с родственных культур, а также отмечена их схожесть с киргизским эпосом «Манас».

Ключевые слова: дастан, эпос, «Манас», «Билгамыс», «Короглу».

The article provides an analysis of common motifs in the Turkic dastans. Considers their genesis and typology, which have originated from related cultures. Also noted their similarity with the Kyrgyz epos *Manas*.

Keywords: dastan, epos, *Manas*, *Bilgamis*, *Köroğlu*.

Исследуя общие мотивы тюркских сказаний, мы не имеем права не затронуть параллели, исходящие из мифического мышления. Тожественное мышление, встречающиеся в наших легендах культы дерева, воды, горы, цвета, чисел, а также другие онгоны, свидетельствуют о духовно-моральном и психологическом мире нации со схожим мировоззрением.

«По убеждению народов древнего Азербайджана, Алтая и других тюркоязычных народов, и гора, и дерево — покровители, отец и мать; они защищают страну, народ» [9, s. 258]. С мифическим взглядом на гору, на дерево, с верой в них как в предков, мы встречаемся в эпосах «Книга моего деда Коркута», «Урал-батыр», «Маадай Гара», «Манас», «Алпамыш», «Короглу» («Кёроглы»). В этих сказаниях гора — не только пристанище героев, но и святой покровитель.

В сказании «Короглу» преследуемые врагами Алы-киши и Короглу в последний момент направляются к горе. По совету отца Короглу выбирает своим пристанищем похожую на неприступную крепость гору Ченлибел. Обратим внимание на эпизод в связи с этим выбором:

«Алы-киши спросил:

— Сын мой, а что это за место?

— Отец, — ответил Ровшан (Короглу), — тут повсюду отроги да скалы и горный хребет, окутанный туманами.

— Посмотри, сынок, а по обе стороны его нет ли еще более высоких гор? — спросил Алы-киши.

— Да, отец, есть. Одна — направо, другая — налево, и вершины их в снегу.

— Ровшан, — сказал Алы-киши, — это самое место я и ищу. Я хорошо знаю эти края. В молодости не раз мчался я здесь на коне, стрелял из лука в джейранов, добыл немало косуль. Называется это место Ченлибел. Тут мы и останемся. Построим себе дом, а коням — конюшню.

Ровшан построил дом и конюшню. Отец и сын стали жить в Ченлибеле» [4, s. 14].

Как видно из этого отрывка, Ченлибел всегда был окутан туманами. Слово *Çanlıbel / Ченлибел* состоит из двух частей — *Çanlı*+*bel* (*Çanlı* — туманный и *bel* — перевал) и на азербайджанском и других тюркских языках означает *туманный перевал*. Значение слова *Ченлибел* полностью совпадает с поданным в вышеуказанном диалоге описанием местности. Топонимы *Азоо-Бель*, *Гара-Бель*, с которыми мы встречаемся в эпосе «Манас», свидетельствуют об общих мотивах общетюркского мировоззрения. Как известно из сказаний, в сражениях с китайцами, калмыками Джакыпбай расстается со своими братьями. Поселившийся в горах Джакып начинает собирать свой рассеявшийся народ:

*Притеснения калмыков терпя
Мучился Джакып, плача и причитая.
Те, кто голоден был и раздет,
Кто ушел навсегда от матери и
отца,*

*Те, что были из разных мест,
Все вместе собрались —
Стало у него (в ауле) семьдесят
семей,
И поехал с прошением (Джакып),
Стал добиваться получения земли.
Эки-Арал, что в верховьях Или —
Земли эти в пользование получил.
Сейчас летняя стоянка его
На перевале Азоо-Бель*
[6, s. 244].

Именно в этом месте раскрывается мифическое и семантическое родство между топонимами *Азоо-Бель* и *Ченлибел*. *Азоо-Бель* означает мучительный перевал, что близко со значением *Ченлибел*. Использованное в этом отрывке число «семьдесят», как и число «семь», — священные числа общетюркской мифологии. А. Фарзали, исследующий к какому именно региону Азербайджана относятся топоним *Ченлибел*, а также названия других местностей, упоминаемых в легенде «Короглу», пишет: «Взгляните, как схожи названия и местности XVI в. [речь идет о топонимах в эпосе “Короглу”. — А. Дж.] с местностями в сегодняшнем Келбаджерском районе — Ченлибел — нынешний Башлыбел, горы Делидаг и Гараченли; Аг Гая — нынешнее село и скала Аг гая, Агъятаг и Гялин гаясы совпадают с этими адресами» [2, s. 82].

Ислам Садыг в фундаментальных исследованиях об эпосе «Короглу» выдвигает еще более вероятную версию о расположении Ченлибела. Он приводит более двадцати серьезных совпадений азербайджанских топонимов с топонимами, названными в эпосе «Короглу». По Исламу Садыгу, Ченлибел был названием конкретного пристанища Короглу, которое охватывало очень огромную территорию, куда входили такие регионы Азербайджана: город Гянджа, Шемкирский, Гедебейский, Дашкесенский, Келбаджерский, Тергерский, Товузский, Газахский, Гейгелский районы, Борчалы, Гарагойунлу, Гейче и другие районы. На этой территории сегодня сохраняются многие

названия, встречающиеся в эпосе «Короглу». Ислам Садыг перечисляет из них следующие: Ченлибел — село в Шемкирском районе, Гошабулаг — село в Гедебейском районе, Аг гая — местность в Шемкирском районе, Короглу галасы («крепость Короглу») между Гейче и Гедебейским районом, Карван йолу («караванная дорога») — нынешняя шоссе-ная дорога Баку — Гендже — Газах — Тбилисси, Гырхдейрманлар («сорок мельниц») в Шемкире, Короглу дагы («гора Короглу», Короглу гаясы («скала Короглу»), Короглу загасы («пещера Короглу»), Короглу дузу («долина Короглу»), Короглу дереси («ущелье Короглу») в Кедабекском районе, Бабакер, Йастыгар, Деведойен — горы в Газахе и Борчалы и др. [3, s. 38–64].

И по Исламу Садыгу, и по А. Фарзали пристанище Короглу — Ченлибел находится в хребтах Малого Кавказа.

Одним из интересных фактов является то, что некоторые из топонимов, с которыми мы встречаемся в эпосе «Манас», используются на территории Азербайджана. Обратим внимание на это родство: *Ала гель* в «Манасе», *Алагелляр* — в Келбаджере, *Аг Гая* в «Манасе», *Аг Гая* — в Шемкире и Келбаджере, *Алмалы* в «Манасе», *Алмалыг* — в Келбаджере, *Алмалы-тала* в Товузе и т. д. Остановимся на одном из этих топонимов — *Алмалы*. Широко распространенный в Средней Азии и Казахстане *Алмалы* — это название местностей, путей, гор, сел, а также городов. В Азербайджане это название также часто встречается во многих топонимах и оронимах. По нашему убеждению, топонимы и оронимы, содержащие слово *Алмалы*, связаны с названием тюркского племени. Недалеко от реальности и то, что название села Туркешвенд в Келбаджерском районе, сёл Алпоут и Гушчулар во многих районах Азербайджана связаны с названием могущественных тюркских племен — *türkeş / туркеш*, *alpout / алпоут*, *quşçu / гушчу*. Именно из таких связей вытекает необходимость поиска общетюркских параллелей не только в эпическом мышлении,

тературе, «вышедшей» из исторических войн, эту скорбь возвысили до трагедии потому, что ребенок — продолжатель рода, в особенности сын — защитник чести и достоинства семьи, народа. Сын — это также наследник годами накопленного материального наследства. Сущность скорби Джакыпа и Короглу в основном выражают общий мотив.

Также отметим ту особенность, что между используемыми в тюркском эпическом творчестве, в том числе и в «Манасе», эпитетами *boz* / *боз* (Гамбарбоз, Агбоз — кони) и *qır* / *гыр* существует тематическая связь. «А. Эльбрус с помощью обоснованных аргументов сделал вывод, что слово *гыр* — синоним слова *боз*» [10, с. 38]. Из этого следует, что Гырат на самом деле означает Бозат. С этой точки зрения интересна расшифровка и употребляемого сегодня в общетюркском лексиконе слова *bozqır* / *бозгыр*. Тюрки, называющие серые степи, пустыни *бозгыр*, вероятно, объединив имеющие по отдельности общий смысл компоненты *боз* и *гыр*, получили единое слово.

Согласно М. Сеидову, слово *гыр* — многозначно в тюркском языке. Оно имеет такие значения, как *горный хребет*, *горный перевал*, *холмистая степь*, *высота* [9, с. 281]. В большинстве регионов Нахчыванской (Нахичеванской) Автономной Республики слово *гыр* используется как вышеуказанный эпитет. В народе говорят: «Веду скот в гыр». Здесь *гыр* означает *степь*, *пастбище*.

Являющиеся тюркским народом кумыки тоже используют слово *гыр* в значении *степь*. Для подтверждения этого обратим внимание на одну кумыкскую пословицу: «Эренлер уйде тувар, гырда олер» (мужчины рождаются в доме, а умирают в степи).

Одной из характерных особенностей тюркского эпического творчества являются мотивы сновидения. Эпические герои заранее во сне видят происходящие события, затем с помощью умных и рассудительных людей стараются разгадать этот сон и, не теряясь, готовят себя к предсказываемой ситуации. В «Билга-

мысе», «Книге моего деда Коркута», «Манасе», «Алпамыше», «Чора-Батыре», «Короглу» и во множестве других, не названных нами тюркских сказаний имеются связанные со сновидениями запоминающиеся интересные эпизоды, помогающие основному сюжету эпоса.

Герой легенды «Билгамыс» (правитель города Урук и непобедимый богатырь Билгамыс) сначала видит Энкиду (храброго сына дикой степи) во сне. Человека, который станет его другом и братом, Билгамыс видит во сне и рассказывает об этом матери:

*Мать моя, сегодня мне приснился сон,
Увидел звезды на небесах.
Словно камень свалился с неба на мою голову,
Взял его с земли, увидел, что он тяжелее меня.
Хотел потрясти, не сдвинулся с места,
Поднялся на него весь край Урук.
Люди вместе пошли к нему.
Храбрые сыны окружили его со всех сторон.*

Мудрая мать так разгадывает этот сон:

*Человек, которого ты поднял с земли, который тяжелее тебя,
Которого хотел потрясти, но не смог сдвинуть,
Которого обнял, как любимую женщину,
Которого ты привел ко мне,
Твой сильный союзник, друг, спаситель*
[1, с. 15].

Через некоторое время Энкиду приводят в «огражденный Урук» — к Билгамысу. Сон Билгамыса сбывается. С этого момента начинается несокрушимая дружба между Энкиду и Билгамысом.

Такой же мотив встречается в эпосе «Манас». Принявший ислам Алмамбет, не выдержав преследования и давления со стороны отца, вынужден бежать из родного края. Сначала он останавливается у Храброго Гёкчо, сердечно привязанного к исламу. Гёкчо дает Алмамбету целостную информацию о Коране, об исламской религии и пророке этой религии — почтеннейшем Мухаммеде. Алмамбет, с любовью принявший Ислам, не перестает молиться, но из-за охлаждения отношений между ним и Гёкчо Алмамбет хочет любимым путем познакомиться с Манасом. В то время, когда Алмамбет отправляется в путь в поисках Манаса, последнему снится сон о его приходе. «Манасу снится острый кинжал. Он ударяет этим кинжалом по камню, камень раскалывается. Когда он привязывает кинжал к поясу, тот превращается в большого льва. Лев вдруг превращается в змею, а змея превращается в птицу и садится на руку Манаса. Кинжал, лев, змея и птица, севшая на руку Манаса, — это храбрый Алмамбет» [8, s. 272].

Приход Алмамбета очень радует Манаса, Каныкей и сорок чоро. Мать Манаса Чыйырды дает отважному и непобедимому Алмамбету свое грудное молоко. Таким образом, Манас и Алмамбет становятся молочными братьями...

Сон Нигяр в «Короглу» и сон Каныкей в «Манасе» также изображены запоминающимися эпическими красками. В главе «Поход Короглу в Баязид» Нигяр снится, как Эйваз попадает в плен. Сон Нигяр ханым описывается так: «Среди ночи она [Нигяр. — А. Дж.] уснула. Как только закрыла глаза, ей приснилось море крови, а Алайпозан, Тохмагвуран, Эйваз в этом море. Но Эйваз чуть ли не тонет. Нигяр в страхе вскакивает с постели и идет к Короглу. Она говорит ему:

*Все прошли назначенные сроки,
Не вернулся мой Эйваз.
Напились враги Эйваза кровью, —
Не вернулся мой Эйваз.*

*Тонет в море крови. В Ченлибеле
Траур по нему уже недели.
Все мечты, как листья, отлетели, —
Не вернулся мой Эйваз*
[4, s. 193].

Интересно то, что Нигяр стихами передает толкование сна Короглу: строки «Напились враги Эйваза кровью» или «Тонет в море крови» — это приснившееся Нигяр ханым «море крови». На самом деле этот сон сбывается, и Короглу приходится в краю Баязид освободить из темницы попавших в плен к Халилу паше Эйваза, Алайпозана и Тохмагвурана.

В эпосе «Манас» после смерти Манаса никто даже не предполагает, что он может воскреснуть. Но преданной жене и сподвижнику героя Каныкей снится сон, и она верит, что Манас воскреснет. Сон изображается так: «Однажды Каныкей снится, что темной лунной ночью за холмом восходит луна, темным солнечным днем за холмом восходит солнце и за костром возвышается тополь. Одна из ветвей дерева наклоняется и закрывает луну, другая наклоняется и закрывает солнце. Солнце до захода покрывает тенью. Каныкей, улыбаясь, отдыхает под прохладой этой тени. Одна из ветвей наклоняется и закрывает небесный свет. Джакып бай, виднеющийся как лысая гора, спит в этой тени. Одна из ветвей наклоняется и покрывает всю землю. Когда земля не видна, при солнечном свете появляется Байдөвлет Байбике» [8, s. 272].

После того как Каныкей снится этот сон, ее свекор Джакып оповещает народ о воскресении Манаса, а также сообщает об этом его жене, которой приснился сон о возвращении мужа.

В общем, сновидения и правильное толкование снов, предвидение, предчувствие будущего тесно связано с религиозными представлениями тюркских народов. В корне этих связей более всего стоит шаманизм — первоначальные религиозные представления. Тополь, описанный во сне Каныкей, свидетельствует о

періоді міфологічних віровань — о древе
жизни, зображеному на бубнах шаманів.

В тюркському епічному мисленні явно
видні і продовжують існувати елементи

шаманського світогляду. Це під-
тверджують наші казки, схожі і загальні
особливості яких ми намагалися дослідити.

1. Bilqamis dastanı // Azərbaycan
Ensiklopediyası. — Bakı : NPB, 1999.

2. Fərzəli Ə. Dədə Qorqud yurdu. — Bakı :
Azərnəşr, 1989.

3. Жирмунский В. М. Тюркский героический
эпос. — Ленинград : Наука, 1974.

4. Koroğlu. — Bakı : Gənclik, 1975.

5. Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов
Средней Азии, Ирана и Азербайджана. — М., 1983.

6. Манас. — М. : Наука, 1984.

7. Sadiq İ. Koroğlu kim olub. — Bakı : Azərbaycan
Dövlət Nəşriyyatı, 1998.

8. Sebahat D. Manas dastanında rüya. — 1995.

9. Seyidov M. Azərbaycan xalqının soykökünü
düşünərkən. — Bakı : Yazıçı, 1989.

10. Vəliyev V. Azərbaycan qəhrəmanlıq
dastanları. — Bakı : ADU, 1980.